

ЛУКОМОРЬЕ

5-е ИЗДАНИЕ
№ 5
1916

«Дідь». Доброволец старший унтер-офицер Ньженко.

Лав. А. Мартынова.

Техническая Контора
А. МЕЙЕРЪ и А. ОРТЕНБЕРГЪ.

ПЕТРОГРАДЪ,
Рыночная, 16, кв. 10.
Тел. 195-30, 231-94, 236-79.

имѣются постоянно на складѣ:
СТАНКИ ТОКАРНЫЕ, СВЕРЛИЛЬНЫЕ,
и МН. ДР.—НОВЫЕ и МАЛОДЕРЖАН.
□
ПРИВОДНЫЕ РЕМНИ, ВСЕВОЗМОЖ-
НЫЕ КЛЮЧИ, МЕТАЛЛЫ и ПР. и ПР.

Торгово-Техническая Контора
М. В. КОЗАРОВИЦКАГО

существуетъ съ 1906 г.

МЕТАЛЛЫ ♦ МАШИНЫ ♦ ХИМИЧЕСКІЕ ПРОДУКТЫ
ТЕХНИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

Петроградъ, Невскій пр., 65.
Телефоны: 162-52, 268-65, 268-81, 141-42.
Адр. телегр.: „Тротиль—Петроградъ“.

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ:

**„Черноморское
Побережье Кавказа“**

(СПРАВОЧНАЯ КНИГА),

изд. М. А. и Б. А. Сувориныхъ,

сост. Ф. И. Доброхотовъ и др., съ предисловіемъ статей-секретаря
А. С. Ермолова, подъ редакціей Н. И. Воробьева.

Подробныя свѣдѣнія для больныхъ, туристовъ, коммер-
сантовъ и промышленниковъ; много рисунковъ.

Продается въ книжныхъ магазинахъ „Нов. Врем.“ и др., а также
въ кіоскахъ желѣзныхъ дорогъ.

Складъ—Контора изданій В. А. Суворина, Невскій, 52 („Веч. Вр.“).
Цѣна 3 руб. 50 коп., съ перес.—4 руб.

въ книжныхъ магазинахъ
Т-ВА А. С. СУВОРИНА — „НОВОЕ ВРЕМЯ“
Петроградъ, Невскій пр., 40; Петр. сторона, Большой пр., 60-а;
Москва, Харьковъ, Одесса, Ростовъ (на-Дону) и Саратовъ.
ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

РУССКІЙ КАЛЕНДАРЬ

на 1916 годъ

А. С. СУВОРИНА

(45-й годъ).

Всѣ отдѣлы, касающіеся разнообразныхъ сторонъ политической,
финансовой и экономической жизни Россіи, исправлены и допол-
нены по новѣйшимъ даннымъ, многіе совершенно перерабо-
таны. Портреты на отдѣльныхъ листахъ и въ текстѣ, диаграммы,
число тѣхъ и другихъ значительно увеличено.

Статистическая часть Календаря и справочная
заново переработаны и дополнены многими цѣн-
ными свѣдѣніями. Въ первой части, между прочимъ,
расширены отдѣлы: **внѣшней торговли**; въ подробномъ
обзорѣ ея за 1914 г. (годъ войны) проведена сравнительная
параллель съ 1913 г.; отдѣлъ **сельско-хозяйственный и
промышленный**; на ряду со многими другими, помѣщены
новѣйшія свѣдѣнія о свеклосахарной промышленности въ
Россіи, культурѣ чая въ Закавказьи, хлопководствѣ, рыбо-
ловствѣ, фабрично-заводской промышленности, горной про-
мышленности и т. д. Во второй части, кромѣ свѣдѣній
справочнаго характера о различныхъ обществахъ, учебныхъ
заведеніяхъ, лично составъ правительственныхъ учрежде-
ній, свѣдѣній юридическихъ, банковыхъ торгово-промышлен-
ныхъ, желѣзнодорожныхъ, почтовыхъ, телеграфныхъ и т. д.,
помѣщены справочныя **сельско-хозяйственныя свѣдѣ-
нія** о мѣропріятіяхъ и расходахъ правительства въ области
землеустройства крестьянъ и поднятія урѣвья земле-
дѣльческой культуры.

Въ „Календарѣ“ помѣщены: **«Медицинскій спутникъ»**
(перечень болѣзней, ихъ признаки и леченіе); **обзоры русской
литературы и искусства**; подробная **лѣтопись войны** съ
ноября 1914 г. по ноябрь 1915 г.; **«Календарь охотника»**
(срѣжи запрещ. и разреш. производства охоты въ продолж. года
съ диаграммой) и **«Календарь удильщика»**; **«Новоселье»**—
советы по устройству новой квартиры и много другихъ статей.

Цѣна: въ бумажѣ 1 р., съ пересылкой—1 р. 40 к., въ
цѣпѣ 1 р. 25 к., съ пересылкой—1 р. 75 к., въ переплетѣ—
1 р. 60 к., съ пересылкой—2 р. 10 к., за наложенный пла-
текъ прибавляется 10 коп.

Красивый альбомъ **СИЛУЭТЫ ВОЙНЫ** 32 рисунка.
участника войны. Цѣна одинъ рубль.

Продается въ магазинахъ „Новаго Времени“ и др. книжныхъ магазинахъ.

III годъ изданія.

ЛУКОМОРЬЕ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,
ставящій свою задачу художественное отраженіе жизни во всѣхъ ея областяхъ.

Въ настоящее время особенное вниманіе удѣляется войнѣ, событія которой иллюстриру-
ются извѣстными художниками.

Въ журналѣ печатаются повѣсти, разказы, фельетоны,
стихи лучшихъ современныхъ писателей, помѣщаются произ-
веденія выдающихся художниковъ, даются иллюстраціи со-
бытій, карикатуры, шаржи.

Особенностью журнала являются красочныя рисунки.

Въ 1915 году было помѣщено около 300 красочныхъ
рисунковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на третій годъ изданія 1916-й.

Цѣна на годъ съ доставкой и перес.—10 р., на полгода—
5 р. 50 к., на 3 м.—3 р., на 1 м.—1 р. 50 к.

Деньги просить адресовать: Петроградъ, Невскій, 40.
Конторѣ журнала „Лукоморье“.

Подписка принимается кромѣ того въ книжныхъ мага-
зинахъ „Новаго Времени“ въ Москвѣ, Одессѣ, Саратовѣ,
Ростовѣ на-Дону, Харьковѣ и др.

Редакторъ-Издатель **М. А. Суворинъ.**

ЧАСЫ-БРАСЛЕТЫ.

Вышла изъ печати и поступила
въ продажу новая книга:

А. С. Резановъ.

**„НѢМЕЦКОЕ
ШПІОНСТВО“**

Составлена по даннымъ судебной
практики и др. источникамъ.

Цѣна 1 р. 50 к.

Изданіе М. А. Суворина.

Продается въ книжныхъ мага-
зинахъ „Товарищества А. С. Су-
ворина — „Новое Время“, Воль-
фа, Карбаенкова и др., а так-
же въ кіоскахъ жел. дорогъ.

Венеція.

ЛУКОМОРОЕ

№ 5.

30 января 1916 г.

ВОЙНА.

Все надо сызнова. Все снова!
Воть оттого-то и война,
Что не по волѣ Сына Слова
Земная шествуеть весна.

Мы забываемъ про подвалы
Средь ослѣпительныхъ палатъ,
И намъ, пирующимъ, усталый—
Лютѣйшій воровъ, а не братъ.

И мы толкаемъ повседневно
Слабѣйшихъ въ самый низкій прахъ,
Грѣша предъ Дѣвою Царевной,
Рыдающей въ своихъ садахъ.

Мы распинаемъ правду женщинъ
И продаемъ своихъ дѣтей.
Не нами-ль солнечно увѣчанъ
Восторгъ разымчивыхъ страстей!?

Что намъ святѣйшія печали
И огневое слово: мать?
Мы продаемъ, чтобъ покушали,
И покупаемъ, чтобъ продать.

Нѣтъ, не для этого, мечтая,
Семь дней работалъ Богъ-Отець!
Бушуй, война, огнемъ сметая
Истлѣвшій міръ! Умри, мертвецъ!

Сергѣй Городецкій.

Весеннее горе.

Въ горахъ хорошо слышно весну. Можно уйти подальше отъ жилья, закрыть глаза, притаивъ дыханіе, и слушать,—слушать долго, не отрываясь, и все будутъ приходить новые звуки и шорохи, и загадочные, и понятные, и тусклые, какъ старый бархатъ, и яркіе, какъ полированное серебро. Слышно, что на пригрѣтыхъ мѣстахъ шуршитъ, разсыпаясь и обѣдая иглами и прозрачными столбиками, подтаявшій снѣгъ, что новый весенній ключъ выбился изъ-подъ скалы, журчитъ и булькаетъ и неторо-

пливо разливается темно-зеленымъ озеркомъ на двѣ котловины. Слышно, что въ кустарникѣ у соснового лѣса уже гомонятъ птицы, и что гдѣ-то, въ понескахъ любви, осторожно пробирается по старымъ хвоямъ и шишкамъ сѣренькій лѣсной звѣрекъ. Но если хорошо прислушаться, то слышно также, что медленно, тяжело и почти надрывно дышитъ вся влажная земля, растутъ молодая трава и раскрываются смятые лепестки первыхъ цвѣтовъ.

Вотъ слышно—и слышно!

— А я не слышу!—грустно отозвался Локотковъ и, не вставая съ лия, осторожно, чтобы не звякнуть шпорами, подобралъ ноги.—То есть, если очень долго прислушиваться, то начинается, какъ будто, въ ушахъ звенѣть. Но только это совсѣмъ не то, что вы говорите!

— Непонятливый вы! — сказала сестра и вздохнула.—Или васъ пушки оглушили. Да нѣтъ, просто—непонятливый!

Закрываетъ глаза и опять прислушалась,—и слышала совершенно яв-

ственно, какъ земля дышетъ тяжело и медленно,—такъ медленно, что въ промежуткахъ между двумя вздохами можно сосчитать до шести.

— Должно быть, трудно ей!

— Что—трудно?

— Да вотъ, каждую весну выгонять траву, побѣги, распускать цвѣты. Вѣдь какую тутъ надо приложить бездонную творческую силу! А осенью опять все умереть.

— До осени далеко! И ни одна травка не думаетъ о смерти. Смотрите, какая она—веселая.

За горой что-то глухо стукнуло, какъ будто ударили жирнымъ кулакомъ въ большой турецкій барабанъ. И отъ сошедшихъ вершинъ отдалось недружное эхо. Сестра вздрогнула и съежилась, едѣлась вдругъ, чуть не вдвое меньше ростомъ.

— Начали! Какая тоска, Господи...

Трехъ часовъ не пройдетъ спокойно.

— Это—тяжелая!—опредѣлил Локотковъ.—Сразу слышно: густой такой звукъ, особый. Въ этомъ вотъ я теперь хорошо разбираюсь! А что вы говорили насчетъ земли—такъ это мнѣ трудно. Не понимаю! Да и вы не понимаете. Это вамъ только такъ кажется, отъ молодости.

— Почему же кажется, когда такъ ясно? Лучше поидемте ужь... Все равно, начали стрѣлять—и тишины нѣту! И скоро обѣдъ раздавать будутъ.

Поднимаясь съ низенькаго ния, Локотковъ оперевъ правой рукой о землю—и засмѣялся весело.

— Надъ чѣмъ вы?—удивилась сестра. Даже слегка обидѣлась, подумала: не надъ ней ли?

— Оперевъ печаянно и вдругъ—не больно! Значитъ, уже совсѣмъ зажило. Выздоровѣлъ!

— А, можетъ быть, это такъ, случайно? Все-таки осторожище надо. Вы такой торопливый.

— Вы, какъ будто, и не рады, что я выздоровѣлъ,—немилосердная!

— Будетъ вамъ! Все съ пустяками.

Быстро пошла впередъ по сухой, гладкой тропинкѣ, которая крутыми заворотами сбѣгала съ горы, межъ густыхъ есенъ. Локотковъ шагаль слѣдомъ, помахивалъ выздоровѣвшей рукой и смотрѣлъ на нее съ любовью. Еще съ недѣлю назадъ рука болѣла при каждомъ движеніи и потому приходилось носить ее на привязи, какъ мертвую, а сегодня—прошло.

Сосны разбѣжались направо и налево, открыли неширокую лоцинку съ рѣчкой, маленькими венаханными

полями, лѣсопильнымъ заводомъ. Направо цѣлый городокъ сложены изъ есеновыхъ досокъ, горбылей, дубовыхъ брусьевъ и шпаль. А лѣвѣе, по другую сторону желѣзнодорожной станціи,—другой городокъ, настоящей съ церковью, костеломъ, синагогой и фабрикой. Въ настоящемъ городкѣ помѣстились: дивизионный штабъ, лазаретъ, хлѣбопекарня и разныя другія учрежденія близкаго тыла, а у досчатого, подъ горой, развернулся и выкинулъ флагъ на длинномъ шестѣ тотъ самый санитарный отрядъ, въ которомъ работаетъ сестра.

Локоткову надо бы находиться теперь не въ этомъ близкомъ тылу, а подальше, ходить гдѣ-нибудь не по лѣсной тропинкѣ, а по хорошему асфальтовому тротуару, но онъ самъ не захотѣлъ уѣзжать далеко, когда узналъ, что его рану можно вылечить въ двѣ или три недѣли. Остался въ дивизионномъ. И, можетъ быть, здоровой молодости помогать горный смолистый воздухъ, но только рана—сквозная отъ ружейной пули—заживала и въ самомъ дѣлѣ удивительно быстро. Теперь остались на ей мѣстѣ только двѣ розовыя ямочки.

У подножія горы тропинка дѣлилась на двѣ: одна—къ отряду, другая—по шоссе, которое ведетъ въ городокъ. Сестра остановилась у этого распутия, протянула руку Локоткову.

— Ну, до свиданья... Спешите вамъ за прогулку. Только не хорошо, что вы многого не умѣете слышать! Нужно все слышать, все... Не больно, когда я жму вамъ пальцы? И вотъ тутъ не больно?

— Не знаю. Пожмите сильнѣе!

— Здѣсь? Да вы опять съ пустяками... Нехорошій вы, право!

Совсѣмъ разсердилась и засеменяла по дорожкѣ быстро-быстро. Только когда уже подходила къ самой калиткѣ—не выдержала, оглянулась будто невзначай—и увидѣла, что Локотковъ стоитъ на мѣстѣ, все тамъ же, гдѣ она его оставила. И почему то жарко стало ушамъ, а грудь стала дышать такъ же медленно и надрывно, какъ весенняя влажная земля.

Съ большого, недавно вычищеннаго двора пахло папи отъ кухонныхъ котловъ, перегорѣлымъ бензиномъ отъ автомобилей и хлорной известью. Около амбара съ провизіей завѣдующая хозяйствомъ бранила ламповщика за то, что бьетъ много стеколъ, а у гаража старшій шоферъ насѣдалъ на подручнаго:

— Я тебѣ расплавлю радиаторъ!

Въ бояхъ было затишь, но палаженное отрядное хозяйство шло себѣ полнымъ ходомъ. Сестра оправила на ухахъ бѣлую косынку, заставила себя дышать почаще и ровнѣе, и неторопливо пошла черезъ дворъ къ двухэтажному каменному флигелю, гдѣ помѣщались палаты для раненыхъ. Локотковъ, не видя ее больше, тоже тронулся съ мѣста, досталъ изъ грудного кармана защитной рубахи папироску и ожесточенно закурилъ. Дымъ выскочилъ у него изъ рта большими круглыми клубами и медленно таялъ за его плечами, словно мятый паръ за паровозомъ.

Шоссе, поверхъ избитой каменной насыпи, было залито жидкой кофейнаго цвѣта грязью почти по ступицу. По этой грязи равнодушно плюхали обозы и проѣзжали конныя команды, а пѣшеходы поровнили пробираться по узкимъ обочинкамъ. Но тамъ было скользко, погн то и дѣло срывались съ твердаго мѣста и съ размаху уходили въ грязь еще глубже. Локотковъ сорвался раза три подрядъ, едва не начерпалъ въ высокіе сапоги и вдругъ разсердился на весь Божій свѣтъ. Въ сердцахъ и не замѣтилъ, какъ добрался до дивизионнаго, который развернулся на окраинѣ городка, въ баракахъ прежняго австрійскаго госпиталя. Изъ одного барака выглядывалъ младшій ординаторъ и длинными руками семафорилъ Локоткову.

— Эй, эй! Заходите закусить передъ обѣдомъ! Я острину въ томатѣ откупорилъ.

— Что?—остановился Локотковъ, недовольный этой задержкой, хотя идти дальше было, собственно говоря, некуда.—Какую острину?

— Да въ томатѣ же, вамъ говорить! И даже можно будетъ подрюмочку вишней солиции узаконеннаго числа градусовъ. Идите скорѣе, а то у меня еще интендантъ сидитъ. Все прикончить!

— Не хочу!—коротко отрѣзалъ было Локотковъ, но сейчасъ же прибавилъ помягче:—я очень сапоги запачкалъ. Пойду чистить!

— Какой же чортъ среди дня сапоги чистить? Все равно, сейчасъ же зачачкаются! Смотрите, интендантъ уже коробку къ себѣ придвинулъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, не хочу!—окончательно отрекся Локотковъ и повернулъ къ офицерскому бараку, а ординаторъ высунулся изъ окошка всѣмъ туловищемъ, разсмотрѣлъ упрямую локотковскую спину и потомъ повернулся къ интенданту.

«Братъ». Темой для рисунка послужилъ возмутительный фактъ распятія нѣмцами англійскаго солдата — канадца.

Сарыкамышь. Склонъ орлиного гнѣзда.

Рис. К. Трофименко.

— Чудеса, вы понимаете! Что его муха укусила?

— Влюбился! — наудачу сказалъ интендантъ, добывая изъ жестянки жирный пласть маринованной рыбы.

— Вы думаете? А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, пожалуй... Человѣкъ здоровый и при томъ же весна.

Въ маленькомъ офицерскомъ баракѣ было пусто. Только вчера эвакуировали двухъ тяжелыхъ и теперь, кромѣ Локоткова, оставался здѣсь только одинъ артиллерійскій капитанъ, больной лихорадкой. Капитанъ впрочемъ, цѣлые дни спалъ, вознаграждая себя за долгія ночи боевого бдѣнія, и сейчасъ тоже лежалъ носомъ къ стѣнѣ, натянувъ на плечи одѣяло и сладко всхрапывалъ.

Локотковъ осторожно, чтобы не разбудить капитана, стянулъ съ себя грязные сапоги и тоже прилегъ на свободную койку. Дверь осталась полуоткрытой и въ широкую щель видѣнь былъ крутой склонъ лѣси-

стой горы, а надъ горой — небо съ застывшимъ неподвижно плотнымъ бѣлымъ облакомъ. Офицеръ засмотрѣлся на это облако и безпричинная досада начала понемногу отходить, смягчаться, даже не раздражалъ храпъ капитана. Но вотъ щель еще болѣе расширилась и какъ разъ подъ облакомъ появилась круглая, съ торчащими ушами, голова санитаря.

— Съ докторами будете обѣдать, или сюда принести?

— Не хочу я обѣдать... А, впрочемъ, принеси сюда!

Поѣсть, пожалуй, не плохо, но только не хочется сейчасъ никого видѣть. Въ столовой будутъ, какъ всегда, рассказывать анекдоты, сплетничать и хохотать громко, а сейчасъ нужно, чтобы все было такое тихое и чистое, какъ вотъ это облако.

Обѣдъ былъ вкусный, и Локотковъ поѣлъ съ удовольствіемъ, даже рѣшился разбудить капитана. Но тотъ только выхлебалъ чашку бульона

съ сухарикомъ и сказалъ, что ничего больше не хочетъ. Лицо у капитана было совсѣмъ нездоровое, желтое, съ палитыми вѣками, и весь онъ былъ такой взъерошенный и беспомощный, какъ больная птица.

— Нехорошо вамъ? — участливо спросилъ Локотковъ и подумалъ, что если бы онъ самъ былъ врачомъ, то постарался бы во что бы то ни стало вылечить бѣднаго капитана.

— Да, чего ужъ... Развихлялся что-то! Маята одна! Слава Богу, что хоть ко спу клонить постоянно. Когда спишь, такъ ни о чемъ не думаешь, по крайней мѣрѣ.

— А я вотъ совсѣмъ выздоровѣлъ — преувеличенно ласково, какъ будто извиняясь, сказалъ Локотковъ и неожиданно для самого себя прибавилъ, когда капитанъ почему-то поморщился: — я завтра же и въ полкъ возвращаюсь. Нечего больше здѣсь околачиваться! Можетъ быть, и сегодня даже! Сегодня же вечеромъ.

— Ну, чего ужь... И слава Богу! А я вотъ на комиссію. Если эвакуируютъ, такъ семью повидать. У меня вѣдь дѣтей куча... Да чего ужь...

И капитанъ опять завалился на койку, натянулъ до ушей одѣяло. А Локотковъ, осторожно шлепая туфлями, выбрался на сухую, усыпанную пескомъ площадку передъ бараккомъ и, заложивъ руки въ карманы, остановился тамъ въ глубокой задумчивости.

Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ—надо въ полкъ. Черезъ часокъ пойти въ канцелярію, къ старшему врачу и потребовать отъ него выписку. А къ ночи—въ походъ. Почему къ ночи, а не раньше?

Посмотрѣлъ въ ту сторону, за станцію, гдѣ былъ санитарный отрядъ и самъ себѣ отвѣтилъ:

— Да потому, что раньше нельзя.

И странная вещь: было весело, совсѣмъ таки весело. Ну, пусть опять въ окопы, подъ пули. Вѣдь не всѣхъ же убиваютъ. Зато сегодня, передъ отъѣздомъ, узнать окончательно то,

что нужно знать, въ чемъ уже почти увѣренъ, но все-таки не знаетъ.

— Самъ не пойду! Нехорошо и страшно. Пошлю письмо съ сапитаромъ.

Это такой-то маленькой, слабенькой и страшно? Ничего не подѣлаешь.

Локотковъ вернулся въ баракъ, досталъ изъ сумки полевую книжку и, вырвавъ чистый листокъ, принялся писать. Сначала дѣло пошло бойко, химическій карандашъ такъ и прыгалъ отъ строки къ строкѣ, но потомъ вдругъ заколодило. Перечиталъ написанное, и понялъ, что все—сплошная глупость. Безжалостно выдралъ новый листокъ, но теперь уже дѣло такъ и не ладилось. Изорванные въ мелкіе клочья листки Локотковъ тщательно собралъ и спряталъ въ карманъ, чтобы потомъ выбросить гдѣ-нибудь по дорогѣ, въ укромномъ мѣстѣ.

Въ шестомъ часу дня отрядныя сестры со студентами и врачами шли чай и ѣли тартинки изъ чернаго хлѣба съ голландскимъ сыромъ. Локотковъ заглянулъ было въ столовую, но,

испуганный многолюдствомъ, сейчасъ же спрятался за вѣшалку и подождать тамъ, пока не вышла, побрякивая ключами, завѣдующая хозяйствомъ.

— Скажите, гдѣ сестра Протасова? — Протасова? Она, кажется, въ операціонной. Хотите чаю? Сыръ хорошій, свѣжій!

— Нѣтъ, нѣтъ, спасибо!

Спустился въ нижній этажъ и ступая, какъ можно беззвучнѣе, ходилъ тамъ взадъ и впередъ по коридору. Смотрѣлъ на рыжую дверь съ приклеенной бумажкой: «Операціонная». Ждалъ когда она откроется и покручивалъ коротенькій усъ для храбрости. А когда открылась, прозѣвалъ и вдругъ почувствовалъ, что сестра уже тутъ, рядомъ.

— Голубушка, пойдемте на тропинку! Пять минутъ только! Но обязательно нужно.

Сестра посмотрѣла на него пытливо.

— Обязательно?

— Вотъ вамъ честное слово...

— Погодите немножко, я сейчасъ... Только халатъ сниму.

Церковь въ Изяславѣ.

Рис. А. Мартынова.

Пока шли до развилины тропинки, сестра говорила об отрядных дѣлахъ и о томъ, что сейчасъ пришлось дѣлать экстренную операцію, а когда дошли до лѣса, замолчала, и такъ молча добрались до двухъ пеньковъ, на которыхъ сидѣли утромъ. Но лѣсъ былъ сейчасъ другой, золотистый, громче журчалъ ручей, а за дальней горой то и дѣло кто-то колотилъ жирнымъ кулакомъ по барабану.

Шли слишкомъ быстро, такъ что сестра задохлась, прижала обѣими руками сильно бьющееся сердце. Но Локотковъ тихонько потянулъ къ себѣ одну ея руку.

— Сестрица, милая, я уѣзжаю сегодня. Уже и выписку получила. Уѣзжаю!

— Опять? туда?

Голубые глаза широко открылись. Вдругъ потемнѣли и заблестѣли влажно. Локотковъ гладилъ маленькую дрожжащую ручку, не смѣя поднести ее къ губамъ.

— Конечно, туда! Вѣдь тутъ двѣнадцать верстъ всего до нашихъ позицій. Ночью тамъ буду.

Гладилъ маленькую ручку, чтобы успокоить ее, но она не слушалась, дрожала все сильнее. А самъ Локотковъ осмѣлѣлъ отъ этой робкой дрожи и сказалъ громко и радостно:

— Сестрица родная, да какъ же я васъ люблю! Боже ты мой, какъ я васъ люблю!

Золотистый лѣсъ пошатнулся, словно обнять хотѣли своими лапами вѣковые сосны. И такъ жалобно, скорбно вдругъ заплакалъ, забулькалъ весенній ручеекъ. Нѣтъ, пусть не вздыхаетъ больше земля, не обманываетъ, не манитъ несбыточной сказкой!

— Родная моя тоже любить, любить! Какой я счастливый уѣду, Господи!

Съ безумной силой приказалъ къ себѣ маленькое, пронзенное болью разлуки тѣло, цѣловалъ глаза, гу-

бы, но сейчасъ же оторвался, чтобы не шагнуть за предѣлы, за которыми можетъ померкнуть это бѣлое облачное счастье.

— Прощай, родная! Люби!

Когда сестра опомнилась, уже никого не было у двухъ, низко спящихъ пеньковъ. Провела рукой по глазамъ, провѣряя, не спитъ ли. И потому, чувствуя, что сами подкашиваются ноги, опустилась на колѣни.

Просила кого-то, кто взростилъ молодую траву, и разбудилъ ручеекъ, и отъ чьей весенней ласки вздыхала земля.

— Сохрани его! Сохрани!

Но тѣнь надвинулась на солнце и скользнула по землѣ, какъ прозрачныя траурныя крылья, и запахло отъ этой земли темнымъ могильнымъ холодомъ. Сестра плакала и молилась, и не вѣрила, что дойдетъ ея молитва.

— Сохрани!

Николай Олигеръ

Н Ы Н Ѣ Ш Н Е Е.

— Ты будешь помнить обо мнѣ?

Сидѣли вдвоемъ въ бесѣдкѣ стараго парка и спрашивала дѣвушка. Ей восемнадцать лѣтъ, у нея васильковые глазки, а волосы, какъ медъ, если его собрать въ августѣ.

— Ты будешь помнить обо мнѣ?

Былъ апрѣль, вечеръ, только что прошелъ дождь и сильно пахли черемуха и вишни. Уже разошлись тучи и ползли по небу бѣлые облака, чуть посыпавши пылью заката.

— Какая ты глупенькая, моя горячка!—отвѣчаетъ юноша. Конечно, я буду помнить о тебѣ... Вѣдь я люблю тебя!

Она говоритъ, что вчера получила его первое письмо... Когда она получила его, была осень, шелъ дождь, но было такъ радостно на сердцѣ... Сейчасъ весна...

— Я не думала, что мы разстанемся весной!

— Это нужно. Я ѣду оберегать наше счастье... Ты знаешь, они хотятъ отнять у насъ это небо, эту землю, этотъ парк... Я иду на стражу!

— Да... конечно,—тихо отвѣчаетъ дѣвушка.— Я знаю!

Листья чуть-чуть шелестятъ, гдѣ-то печально и глухо кукуетъ кукушка...

— Кукушка! Сколько лѣтъ мнѣ осталось жить на вѣку?—задно кричитъ юноша.

Дѣвушка быстро схватываетъ его за руку.

— Не надо... Оставь!..

И говорить громко, чуть-чуть надорванно:

— Не отвѣчай, кукушка... Не надо!

Она покраснѣла, конфузливо улыбается и близко придвинулась къ нему.

— Я глупая? Правда?... Но ты знаешь, я такъ боюсь!

Юноша цѣлуетъ ея руку осторожно и вѣжливо.

— Ты—милая!

Потомъ они говорятъ о пустякахъ, о томъ, что заболѣла тетя, что вчера вечеромъ вѣтеръ разбилъ въ оранжереѣ стекла и опрокинулъ цвѣты... Ужасно сердятся нааа...

Говорить о другомъ больно... Говорить тихо, потому что, если сказать громко хотя бы одно слово, сердце ставшее тонкимъ, какъ старинный фарфоръ, не выдержитъ и разобьется рыдающими.

— Ну, прощай!

— Прощай...

Когда они выгустили другъ друга изъ объятій, было душно обнимъ... Онъ закурилъ, а дѣвушка нѣсколько отошла въ сторону и шагнула... Опять разстегнулась съ этой противной тупли...

И оба думали:

«Не надо огорчать... Будетъ больно, если увидить слезы... Надо сдерживаться!..» И онъ сказалъ какъ-то совѣмъ спокойно:

— Знаешь, я пойду еще разъ проститься съ твоими стариками... Пойдемъ!

Они пошли къ дому по темной аллеѣ

и оба улыбались. И это всегда бываетъ, когда сильно болитъ сердце, улыбка вѣлалась въ лицо и нельзя прогнать ее... Была она большая и жалкая...

Когда вышелъ отецъ дѣвушки, красивый и статный старикъ, онъ сказалъ, что рѣшеніе юноши прекрасно и благородно...

— Ты передашь своему отцу, что я завидую ему... У меня нѣтъ сыновей, я никого не могу послать туда... Прощай... Будь храбрымъ!

А мать, худая, быстрая старушка, только что разговаривала съ экономкой о томъ, что на рабочихъ расходуется много миса... Она была взволнована и когда прощалась съ юношей, сказала только одно:

— Кланяйтесь вашимъ.

Ей хотѣлось, чтобы онъ поскорѣе уѣхалъ. Она вообще была противъ его брака съ дочерью, но самое главное, ей надо бы доразсказать мужу объ экономкѣ... Такое безобразіе...

Лошадь подали къ террасѣ, но они сошли вмѣстѣ съ дѣвушкой и онъ велъ лошадь за собой, пока не вышли за ворота...

— Ну, что же... Прощай!

— Милый!

Онъ освободился изъ ея объятій, вскопчилъ въ сѣдло и сказалъ сдавленнымъ голосомъ:

— Ниши же!

Сильно дернулъ поводья и помчался...

Когда его фигура сдвинулась совсем маленькой и скрылась за диваном, дивушка ушла в домъ.

Въ своей комнатѣ она увидѣла чернильное пятно на скатерти и тихо поцѣловала его... Это пятно сдѣлалъ онъ третьяго дня, когда они вмѣстѣ писали шуточные стихи... Она помнитъ, какъ онъ забавно хихикалъ тогда и просилъ прощенья... Было такъ хорошо...

Ночью она плачетъ.

Два огромныя страны судорожно напрягли свои мускулы и застыли другъ передъ другомъ въ болѣзненной конвульсии отчаянія и злобы.

Объ скакани къ границамъ своимъ самымъ сильнымъ, здоровыхъ и молодыхъ, и миллионы людей, зарывшись въ землю, сжимая ружья въ рукахъ, жадно ожидали минуты, когда можно будетъ выльзти изъ сырыхъ ямъ, съ крикомъ броситься другъ на друга, рвать въ клочки ненавистныя тѣла, свить смерть и уничтожать.

У всѣхъ сзади остались широкія поля, тихія рѣки, города, дорогіе по воспоминаніямъ, святилища старины... И когда думалось, что туда войдутъ другіе, чтобы быть хозяевами, скрюченные пальцы до боли въ суставахъ сжимали ружья и шершаво скрипѣли зубы.

У нѣкоторыхъ глаза были совсемъ свѣтлыми и лучистыми... Они не умѣли ненавидѣть и почти всегда странная улыбка печали была у нихъ на лицѣ...

А у большинства были суровы огрубѣлыя лица и сухимъ пламенемъ горѣли глаза, они совсемъ мало говорили и когда смѣялись, то смѣхъ ихъ былъ какой-то костяной, ржавый и не радостный.

Второй мѣсяць уже сидѣть въ ямѣ юноша. Когда онъ прощался съ дивушкой, молодой кровью были окрашены его щеки и мягкой пухъ покрывалъ ихъ. А теперь они стали темными отъ загара, ввалились и отъ плотно сжатыхъ губъ двѣ глубокія морщины прорѣзались по подбородку.

Рядомъ съ нимъ сидѣлъ человекъ, которому было сорокъ лѣтъ, у котораго

волосы серебрились на вискахъ и голосъ былъ чуть-чуть хриплымъ.

Гдѣ-то въ глуши степей, въ маленькомъ городкѣ, у него остались жена и дѣти и было странно, что онъ почти никогда не вспоминалъ о нихъ.

Въ городкѣ у него была мелочная лавочка и онъ часто говорилъ о ней и о кредиторахъ.

— Какъ ты думаешь, они заплатятъ женѣ или дѣтямъ?—спрашивалъ онъ юношу.

Это сильно волновало его теперь и онъ даже обращался къ офицеру. Когда онъ уходилъ изъ дому, была ночь... Было неуютно въ комнатѣ отъ раскрытыхъ комодовъ, разбросанныхъ вещей, отъ плача жены и дѣтей, и онъ ушелъ въ лавочку.

— Я пойду взять напироевъ!—сказалъ онъ.

И тамъ ему случайно попалась книга съ записями кредиторовъ. И оттого, что эта книга была въ жизни большой, важной и пужной, онъ взглянулъ въ нее дѣловито и серьезно, какъ хозяинъ. И въ ту же минуту острой змѣйкой промель-

Аэропланъ!..

Рис. участн. погоды О. Родмановскаго.

Гизгольдеры и змѣйковый азростатъ.

Рис. участн. похода *Θ. Розжанковскаго.*

кнула мысль, что все это уже не нужно теперь, но онъ прогналъ ее, и смотрѣлъ въ книгу внимательно и долго и даже что-то отчеркнулъ карандашомъ.

— Я думаю, что все-таки заплатятъ!— говорилъ онъ юношѣ.—А если нѣтъ, то когда я возвращусь, ихъ можно будетъ привлечь къ суду!..

Это было желаніе тонкой, рвущейся нитью связать двѣ жизни свои *ту* и *эту*, это была мучительная жажда существованія, обманъ, которымъ онъ хотѣлъ увѣрить себя, что скоро все пройдетъ и опять наступитъ прежняя, спокойная жизнь съ кредиторами, лавочкой и занесеными въ книгъ.

Когда ихъ везли сюда, поѣздъ однажды остановился въ полѣ.

Было утро и кричали коростели въ травѣ.

И онъ часто возвращался къ кредиторамъ и крику коростелей.

Это было послѣднее, что его душа увезла отсюда.

И сегодня, когда они проснулись оба отъ прохота снарядовъ, лопающихся въ синемъ небѣ, онъ долго молчалъ, потомъ осторожно коснулся плеча юноши и сказалъ:

— Ты знаешь... Тамъ кричатъ коростели сейчасъ!

— Что? — спросилъ юноша. — А-а... Да-да!

Помолчалъ и сказалъ тихо:

— Хорошо сейчасъ въ паркѣ... Не жарко... тихо... Вѣтеръ по утрамъ бываетъ рѣдко!

Закурилъ и спросилъ съ осторожнымъ любопытствомъ.

— А ты знаешь поцѣлуй дѣвушки?

Лавочникъ отвѣтилъ, что онъ уже забылъ ихъ...

— Это было давно... Моему старшему сыну пятнадцать лѣтъ!

— Они хотятъ отнять это у насъ... Ты знаешь?... И коростелей, и паркъ, и поцѣлуй дѣвушки... Ты понимаешь?..

— Отнять?... Ну,—лавочникъ размѣлся сухимъ, скрипучимъ смѣхомъ.—Отнять... Мы камня на камнѣ не оставимъ у нихъ!..

Кто-то кашлянулъ робко и спросилъ: — А развѣ у нихъ нѣтъ коростелей и дѣвушекъ?..

Это былъ третій, который лежалъ рядомъ съ ними; онъ слушалъ ихъ разговоръ и улыбался какъ-то свѣтло и грустно...

— Да... да,—горячо-отвѣтилъ юноша. Нѣтъ... У нихъ ничего нѣтъ, кремъ жажды крови и мы утолимъ эту жажду ихъ же кровью!

— Мнѣ все равно!—отвѣтилъ третій.

И когда начался день, длинный, жаркій, раскалывающійся отъ тысячи выстрѣловъ, было мучительно страшно видѣть солнце, которое было совсѣмъ обычнымъ—ровное іоньское солнце.

Нѣсколько дней не было солнца, не было бѣгущихъ часовъ, человѣческихъ словъ, человѣческихъ лицъ и движеній.

Но умирали они такъ легко и просто. Тамъ ихъ звали только по именамъ, которыя были часто неуклюжи, какъ они сами и ихъ жизнь, и не разгадавъ, не то болѣли за нихъ жгучей скорбью, не то чуть-чуть презирали.

И когда наступилъ жуткій часъ и поздно ночью тревожно забили колокола деревенскихъ церквей, миллионы людей шли, чтобы забросить сохи и бороны и взять ружья.

И то, что происходило здѣсь, на зарытыхъ мѣдью поляхъ, какъ-то спокойно и просто вошло въ ихъ души. Это была—работа, трудъ. Это стало повседневнымъ, немного будничнымъ, обыкновеннымъ.

И послѣ жгучей схватки, когда съ рою ночью рѣзались вплотную другъ съ другомъ, когда съ короткимъ трескомъ лопались черепа и сухо хрустѣли ломающіяся кости, они сходились отды-

хоть вмѣстѣ, курили и говорили спокойно:

— Руки ноютъ въ плечахъ, ну, совсѣмъ, какъ послѣ косовицы съ непривычки!

Они совершали героическіе подвиги и когда имъ потомъ говорили объ этомъ и награждали, они удивлялись, ибо то, что сдѣлали они, казалось имъ необходимымъ, неизбежнымъ и потому совсѣмъ простымъ.

Была въ ихъ душевномъ состояніи какая-то странная методичность, удивительное спокойствіе людей на что-то рѣшившихся.

Среди другихъ шелъ юноша, который сталъ теперь совсѣмъ похожимъ на остальныхъ. Даже глаза его, которые прежде послали на себѣ отпечатокъ прошлыхъ лѣтъ, гдѣ были книги, судорожные скачки утопченной мысли и тонкія переживания души, стали безцвѣтными и безразлично тусклыми.

Сначала ничего не было въ душѣ, кромѣ жуткаго состоянія отупѣлости, когда всѣ впечатлѣнія стертые, когда испепеленныя нервы воспринимаютъ только внѣшнее и все вокругъ—испушно и безразлично...

Шли нѣсколько сутокъ, почти не отдыхая и можно было идти столько же еще, ибо уже не замѣчалось утомленіе.

Поздно ночью пришли въ большой го-

родъ, гдѣ на улицахъ ярко горѣли огни, были открыты кафэ и кинематографы и юрко шныряли, вышыря изъ темныхъ переулковъ, первые, рѣзко звенящіе трамваи.

Ихъ поставили въ огромномъ зданіи, гдѣ въ пустыхъ комнатахъ была настлана солома и нѣсколько сотъ человѣкъ заснули здѣсь, не думая о будущемъ, не вспоминая прошлаго, не различая настоящаго...

Имъ былъ назначенъ отдыхъ, продолжительный и спокойный...

Когда юноша проснулся, было уже позднее утро... Смѣялось солнце и было небо глубокимъ и синимъ...

Она пишетъ, что они сейчасъ живутъ въ городѣ, гдѣ все осталось совсѣмъ какъ раньше. Мама недавно хворала. Сначала думали, что тифъ, потомъ все оказалось пустяками. Платьевъ новыхъ ей теперь совсѣмъ не хочется дѣлать. Для кого?

«Я каждый день молюсь о тебѣ. Купила себѣ новую икону твоего святого и лампадку. Лампадка очень изящная, серебряная и съ уральскими камнями. Когда я ее зажигаю въ моей комнатѣ бываетъ очень уютно. Молюсь и плачу. Молитвъ теперь совсѣмъ не читаю, а молюсь, какъ вздумается».

Письмо было все иѣжное и наивное, а въ концѣ его былъ маленькій, обведен-

ный дрожащей линіей кружокъ, въ которомъ сдѣлана надпись: «Это мѣсто я поцѣловала».

Онъ помнитъ, что была ночь, но отъ яркаго зарева пылающихъ домовъ, лопавшихся въ небѣ ракетъ и перекрещивающихся лучей прожекторовъ былъ колеблющійся, невѣрный свѣтъ разлитъ вокругъ дрожащими волнами.

Строго и безстрастно глядѣли громады домовъ десятками хмурыхъ, темныхъ оконъ. А въ одномъ, гдѣ-то на пятомъ этажѣ, горѣлъ огонь. Ровный, тихій огонекъ, какъ будто отъ маленькой керосиновой лампы или лампадки.

А на площади, гдѣ суетились обозные и съ гогочущимъ визгомъ, какъ винты, вивались въ землю осколки снарядовъ, стоялъ на рельсахъ пустой вагонъ трамвая.

И этотъ огонекъ, и трамвай, были такими обыденными, такими подчеркнута будничными. И они остались въ памяти какъ послѣднія впечатлѣнія.

Гдѣ-то близко, совсѣмъ близко лопнулъ снарядъ и саднящей, медленно расплывшейся болью, ударъ отозвался во всемъ тѣлѣ. Земля быстро выскользнула изъ подъ ногъ и онъ упалъ во что-то мягкое, колыхающееся, баюкающее.

Когда онъ очнулся, солнце ласково скользнуло по лакированнымъ скамей-

Въ тылу.

Рис. участн. похода *Θ. Рожанковскаго.*

камъ вагона, который мчался, весело постукивая на спайкахъ рельсъ.

А когда прѣхали въ городъ и уютный автомобиль плавно мчалъ юношу по улицамъ, застывшимъ въ осеннемъ дождѣ, онъ думалъ, о томъ, что офицеръ, у котораго выжжены глаза, никогда не увидитъ больше, ни улицъ, ни трамвая, ни того, скрючившагося, посылнаго въ красной шапкѣ.

Было жаль его, но какъ-то удивительно поверхностно скользили все явленія, тускло сливаясь на одномъ фонѣ во что-то ненужно скучное.

Но когда въ лазаретъ, онъ подошелъ къ телефону и нажалъ кнопку А., сердце у него билось сильно и порывисто.

— Попросите барышню!

Заскрипѣла дверь, простучали шаги, металлически звякнула трубка.

— Слушаю!

— Ты знаешь... Это я... Прѣхалъ... Ты слышишь, Лена?

Когда они остались одни, дѣвушка сказала, что лучше пройти въ гостиную.

— Я тебѣ сыграю Nocturne... хочешь?

— Хорошо. Сыграй!

Она усадила его въ кресло, положила больную ногу на скамеечку и укутала бархатнымъ коврикомъ.

— Зачѣмъ это?—улыбнулся юноша.— Мнѣ совѣмъ не холодно!

Она немного скопфузилась.

— Да? Но все-равно... Такъ будетъ лучше!..

Дѣвущкѣ нравились фабрикантъ и теперь, когда возвратился юноша, ей было какъ-то немного стыдно и неприятно, и хотѣлось быть съ нимъ особенно пѣкной, потому что онъ—большой и такой несчастный... Онъ даже не знаетъ, что въ ея сердцѣ ужъ нѣтъ любви.

И когда закутывала ногу, она казалась самой себѣ хорошей и доброй. Вотъ такъ же закутывала ногу солдату сестра милосердія во вчерашней пьесѣ.

Потомъ она сыграла Nocturne и полуобернувшись, спросила:

— Ну, что хорошо?

Онъ думать въ это время о чемъ-то совѣмъ другому. Ему сдѣлалось неловко и онъ отвѣтилъ быстро:

— Да, очень хорошо. Подожди ко мнѣ!

Пощеловала ея руку и ласково посмотрѣла на нее.

Когда она отошла къ роялю, ей казалось, что юноша—единственный кого она любитъ. Ей захотѣлось, чтобы онъ легъ спать, а она сидѣла бы около и тихо пѣла колыбельную пѣсню.

Что-то придумала. Улыбнулась свѣтло и чуть-чуть лизаво.

— Подожди, милый!

Принесла изъ спальни розовую ленточку и перевязала его костью.

— Не спимай, смотри же!

Потомъ показывала ему японскій альбомъ съ инкрустациями, который ей подарила тетя, рассказывала содержаніе послѣднихъ пьесъ и сказала, что хочетъ съ нимъ въ театръ.

— Почему же молчишь ты?

Онъ просто усталъ... Такая масса новыхъ впечатлѣній... Потомъ онъ даже отвыкъ отворить... Серьезно... по ему хорошо.

— Да? Оттого, что я съ тобой? Правда?

— Да, конечно!

Когда она ложилась спать, было въ сердцѣ свѣтло и успокоенно тихо. Посмотрѣла на икону и подумала, что вотъ такъ, вѣроятно, себя чувствуютъ святые.

Тихо засмѣялась.

— И я святая!

Такъ радостно... Закрыла лицо руками и нервно вздрогнула.

— Мнѣ совѣмъ не нравится фабрикантъ!..

Онъ уѣхалъ въ лазаретъ и все время думалъ объ одномъ рыжемъ скуластомъ солдатѣ, который каждый разъ передъ боемъ говорилъ:

— Убьють меня сегодня, ей Богу!

А послѣ боя всегда улыбался и говорилъ удивленно:

— А вѣдь не убили, братцы. Не убили сегодня!

Паймалъ себя на этой мысли и приподнялся на кровати. Испугался. Вѣдь вотъ эта дѣвушка... Эта жизнь, въ которую же надо войти. Трамвай, автомобили, газеты, театры... Вѣдь это все здѣсь... это нужно воспринять... Воспринять.

Какъ деревянно прозвучала ея Nocturne сегодня... И Лена... Надо думать объ этомъ...

Сѣлъ на кровати, закурилъ и, напряженно волнуясь, заставилъ мысли, скользя въ безформенный клубокъ разворачиваться медленно, вяло, пехотя.

— Я люблю тебя Лена... Милая Лена.. Леночка, я люблю тебя!

Первый шепотъ прорывался на хриплый голосъ, вздрагивалъ.

— Люблю... Люблю... Лена... Люблю!

Но за словами была пустота, пугающая своей пропастью и странно обезцвѣтились миги, что ткутъ жизнь.

Бился испуганный на немнящей грани и польза было преступить какой-то страшной черты, намекомъ выросшей въ туманѣ.

— Усталость... Временно... Усталость!—говорилъ онъ.

Проснулся толстый капитанъ, который лежалъ въ одной комнатѣ съ нимъ, зажегъ электричество и заспанными, злыми глазами поглядѣлъ вокругъ.

— Не спишь? Чортъ его знаетъ что такое и я не сплю... Садить... Пулеметы такъ и стучать!

Закурилъ и рассказалъ въ сотый разъ, какъ они брали высоту.

•Фабрикантъ былъ рослый, мясистый, съ здоровымъ краснощекимъ лицомъ и маленькими, узкими глазами безъ бровей. Усы у него были подстрижены и отчетливо выдѣлялся крупный выбритый подбородокъ.

Онъ стоялъ передъ картой войны, водить короткимъ, толстымъ пальцемъ по чернымъ линиямъ рѣкъ и говорилъ увѣреннымъ, чуть хриплымъ голосомъ:

— Если здѣсь вы оставляете сильный заслонъ, подкрѣпляете его артиллеріей, у васъ—гарантія за свободный проходъ. Каналерійскіе корпуса безъ дѣла... Пускайте ихъ въ обходъ. Рискъ? Конечно рискъ, но вѣдь это война. Я ручаюсь за успѣхъ!..

Отецъ дѣвочки слушалъ молча. Онъ сидѣлъ въ креслѣ, заложивъ руки въ карманы и былъ такъ внимателенъ, что

даже забывалъ о папирскѣ, которая давно потухла.

Лена думала, что юноша такой милый, такой славный, но только ужасно жаль, что онъ все время молчитъ. Онъ не понимаетъ, вѣроятно. Фабрикантъ—умный сильный. Съ нимъ было бы совѣмъ не страшно пидѣ... Закрывать глаза и пусть онъ сжимаетъ ее въ своихъ объятіяхъ... А юноша милый... жаль его...

Фабрикантъ говорилъ увѣренно, твердо, чѣмъ-то громко возмущался, и иногда оглядывалъ всѣхъ самодовольно и чуть-чуть покровительственно.

Юноша думалъ, что они тамъ совѣмъ не такъ представляютъ тѣхъ, за которыхъ приходится умирать...

— Да, но вѣдь это въ началѣ... Потому все равно!

Ночью дѣвушка молилась такъ.

— Господи, прости меня за то, что я люблю фабриканта, но Ты самъ видишь Господи... Онъ такой умный, его нельзя не любить... Сдѣлай Господи такъ, чтобы юноша былъ моимъ другомъ... Сдѣлай Господи!

Были сумерки... Спели паутинки вечера въ сѣроватую ткань и словно наклеили на нее огни и зарево далекаго города.

Они вышли изъ мотора и сказали шоферу, чтобы онъ не ѣхалъ за нимъ... Они пройдутъ немного пѣшкомъ.

Паркъ былъ верстахъ въ трехъ отъ города и на аллеяхъ, чуть посыпанныхъ первымъ снѣжкомъ было тихо и какъ-то странно уютно...

— Тебѣ не тяжело милый?—спросила Лена.

— Нѣтъ... У меня прекрасный костыль!

Она взглянула на костыль и улыбнулась.

— Ты знаешь, это страшно мило съ твоей стороны!

— Что?

— Мой бантикъ цѣль. Благодарю тебя!

Они дошли до первой скамьи и присѣли... Юноша закурилъ и когда онъ втягивалъ дымъ, огонекъ папирсы, разгораясь ярче, освѣщала его блѣдное лицо...

— Какъ тихо!—сказала дѣвушка.

Ей хотѣлось сегодня сказать, о томъ что она уже не можетъ быть его пѣвстой, но она не знала какъ начать и сердце билось ужасно сильно и порывисто. Хорошо еще, что онъ не разу не сказалъ о своей любви...

Взяла его руку, тихо пощеловала и заплакала.

— Лена, что съ тобой, милая?

Говорила жалобно всхлипывая и трогательно покраснѣвъ носикъ.

— Я скверная... Мнѣ стыдно ужасно... ты вѣдь не знаешь... Я совѣмъ не достойна тебя... Я боюсь сказать...

— Говори, Лена...

Она сама не понимаетъ себя... Иногда ей правится онъ, иногда нѣтъ...

— Ты понимаешь... Какъ-то все кружится-кружится... И ты, и папа, и фабрикантъ. И я плачу... Молось, а никто не поможетъ... Вотъ и сейчасъ... Вспомнила, какъ мы прощались... И больно больно... А онъ такой сильный.. И я не смѣю быть твоей, не смѣю!..

Иск. Мартин
 С. Смирнов
 1915. 8. С. 100
 А. Мартынов.

На этапъ.

Рис. участн. похода А. Мартынова.

Мой герой.

Я знаю васъ не по наслышкѣ,
 О, верхней Волги города!
 Кремлей чешуйшатыя вышки,
 Миѣ не забыть васъ никогда!
 И знаю я, какъ ночи долги
 Какъ яръ и кротокъ зимній день,—
 Я самъ родился вѣдь на Волгѣ,
 Гдѣ съ удаью сдружилась лѣнь,
 Гдѣ изстари благочестивы
 И смѣтливы, гдѣ говоръ крутъ,
 Гдѣ весело сбѣгаютъ нивы
 Къ рѣкѣ, гдѣ молятся и врутъ,
 Гдѣ Ярославль горитъ, что въ митрѣ
 У патриарха отъ рубинъ,
 Гдѣ росъ царевичъ нашъ Димитрій,
 Зарозовѣвшій кровью кринъ;
 Гдѣ все привольно, все степенно,
 Гдѣ все сіяетъ, все цвѣтетъ,

Гдѣ Волга медленно и пѣнно
 Къ морямъ далекимъ путь ведетъ,
 Я знаю бѣгъ саней ковровыхъ
 И розы щекъ на холоду!
 Морозовъ царственно-суровыхъ
 Въ другомъ краю я не найду.
 Я знаю звонъ великопостный,
 Въ бору далекомъ малый скитъ,
 А въ жизни сладостной и постной
 Какой-то тайный есть магнитъ.
 Я помню запахъ грядъ малинныхъ
 И горницъ праздничныхъ уютъ.
 Нагѣвы службъ умильно длинныхъ
 До сей поры въ душѣ поютъ.
 Не знаю, правъ ли я, не правъ ли,
 Не по указкѣ я люблю,
 За то, что выросъ въ Ярославлѣ,
 Свою судьбу благословлю.

М. Кузминъ.

Статуя Божіей Матери съ тѣломъ Христа, находившаяся на фронтонѣ церкви въ Суенѣ. Послѣ бомбардировки церкви нѣмцами,— статуя, не разбившись, упала внизъ и осталась у развалинъ.

Доминъ въ провинціи.

О выставкѣ А. А. Маневича.

А. А. Маневичъ не совсѣмъ незнакомъ намъ художникъ, его участіе въ нѣсколькихъ выставкахъ въ свое время обратило вниманіе публики и было отмѣчено печатью. Нынѣ онъ выступаетъ самостоятельно, выставивъ большое количество картинъ и этюдовъ въ бюро Добычинной. Такая задача, какъ устройство самостоятельной выставки, рѣдко кому изъ художниковъ могла бы у насъ удалась уже по одному тому, что у многихъ не оказалось бы достаточнаго количества картинъ на рукахъ, а затѣмъ большинство нашихъ художниковъ не отличается продуктивностью. Но самое главное, что обыкновенно удерживаетъ художниковъ отъ устройства самостоятельныхъ выставокъ—боязнь. Самостоятельная выставка это какъ бы экзаменъ на званіе мастера. Самостоятельная выставка очень соблазнительна, тутъ художникъ выступаетъ во весь свой ростъ, его индивидуальность, его плюсы ярко подчеркиваются, но въ еще

большей степени подчеркиваются недостатки. И это, обыкновенно, удерживаетъ даже и не робкихъ художниковъ. Самостоятельная выставка рядового художника утомляетъ, если не однообразіемъ темъ и подходовъ къ ней, то хотя бы однообразіемъ техники и создаетъ неизбежное впечатлѣніе бѣдности, тогда какъ въ отдаленности каждая изъ картинъ на фонѣ чужихъ работъ выигрываетъ. О выставкѣ А. А. Маневича нельзя сказать, чтобы она утомляла и этимъ положительнымъ зрительнымъ впечатлѣніемъ А. А. Маневичъ долженъ быть обязанъ своему недостатку—нѣкоторой несамостоятельности своего творчества. Разные подходы къ темъ, противоположныя манеры, самыя неожиданныя самопротиворѣчія въ техникахъ—все это дѣлаетъ выставку безусловно разнообразной и искусной. Даже при весьма поверхностномъ осмотрѣ выставки яснымъ становится, что на творчествѣ А. А. Маневича отразились самыя противоположе-

ныя вліянія, какъ русскія, такъ и французскія. И трудно сейчасъ сказать, о чемъ это свидѣтельствуетъ—о слабости ли индивидуальности художника, или его мятельности. Ищетъ ли художникъ себя, или, какъ солова арфа, отзывается на всякое дуновение? На эти вопросы, не боясь оказаться плохимъ пророкомъ, трудно дать отвѣтъ. Слѣдующая выставка А. А. Маневича сама отвѣтитъ, что скрывалось у него за его нынѣшней многоликостью, объединяющей почти графическій пейзажъ съ ландшафтомъ, написаннымъ въ духѣ крайнихъ французскихъ импрессионистовъ, гдѣ впечатлѣніе достигается вмѣсто графической четкости одними красочными эффектами. Между этими крайностями—цѣлая гамма. Выставка А. А. Маневича, такимъ образомъ, не изъ тѣхъ, что могутъ имѣть только или друзей, или враговъ. Многие тутъ могутъ встрѣтить многое, съ чѣмъ они безусловно согласятся, что имъ поправится и затѣмъ, навѣрное,

встрѣять такое, что ими ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть одобрено. Съ точки зрѣнія успѣха у публики это—хорошо. Художественная же критика должна поставить это въ минусъ, отмѣтивъ его безусловный плюсъ—художественную культурность и хороший вкусъ: ни въ одной изъ его работъ нельзя указать погрѣшеній противъ указанныхъ качествъ. Творчество г. Маневича современно, онъ изъ числа тѣхъ, что глядятъ впередъ, а не назадъ. Современность г. Маневича чувствуется не только въ разработкѣ темы, но даже и въ самой темѣ—его увлекаетъ недавно открытая поэзія города, изъ котораго обыкновенно художники рвались за темами на

лоно природы. А. А. Маневичъ наоборотъ любитъ городъ, онъ человекъ двадцатаго вѣка и умѣетъ разглядѣть подлинную красоту въ сочетаніи каменныхъ громадъ и мрачныхъ браундауэровъ. Но даже самый мрачный городской архитектурный пейзажъ, самое жесткое сочетаніе линий у г. Маневича теряютъ свою механичность, художникъ чувствуетъ городъ не какъ мрачное величіе, а какъ нечто интимное и отсюда необычайная мягкость его пейзажа, а зачастую и красочность, что можно только до нѣкоторой степени объяснить тѣмъ, что много работъ художника посвящено красавцу—Кіеву. Г. Добузинскій и тутъ, вѣроятно, нашелъ бы величіе и жесткія линии, г. Маневичъ—величія не видитъ, это, очевидно, свойство его художественной природы,—сгладить, смягчить и это тѣмъ легче ему сдѣлать, что онъ хорошо чувствуетъ краски и умѣло ими владѣетъ. Гармонія красокъ увлекаетъ г. Маневича, онъ любитъ краски и въ томъ, что выставка его не красочна, его упрекнуть ни въ какомъ случаѣ нельзя,—своею красочностью она пріятно поражаетъ зрителя. И если выставку г. Маневича нельзя назвать художественнымъ событіемъ, то, во всякомъ случаѣ, она безусловно заслуживаетъ вниманія, и мы никакъ не можемъ быть недовольными смѣлостью г. Маневича, позволившей ему выступить самостоятельно.

М. Влагинъ.

ВЫСТАВКА КАРТИНЪ А. А. МАНЕВИЧА.

Синагога.

Провинція.

Нъ вечеру.

Берези.

Ради обстановки.

Сценка из жизни современного общества.
Переводъ съ англійскаго.

Прекрасно, съ большимъ вкусомъ обставленная комната. Изъ одной двери входитъ Она, стройная, красивая дама въ амазонкѣ, изъ другой двери входитъ Онъ, молодой человекъ въ элегантномъ костюмѣ автомобилиста. Онъ и Она одновременно снимаютъ перчатки и опускаются на кресла у телефоннаго столика.

Онъ. Итакъ нашъ разводъ состоялся.

Она. Да, я надѣюсь вы довольны и рады, что вся эта длинная процедура, наконецъ, пришла къ благополучному и давно желанному окончанію?

Онъ. Такъ же, какъ и вы, конечно. Или нѣтъ, вы недовольны?

Она. Что-о? Я недовольна? Я очень довольна... Но вѣдь теперь, съ этого момента намъ нельзя больше жить вмѣстѣ, подъ однимъ кровомъ. Вы знаете, какъ люди злы... будутъ говорить, Богъ знаетъ что.

Онъ. Да, очевидно, придется подумать о развѣздѣ.

Она. Вы думаете вступить въ новый законный бракъ?

Онъ. Я полагаю, что и вы объ этомъ думали. Но, собственно говоря, я не вижу смысла. Повторится та же исторія.

Она. Та же исторія? Я не совсѣмъ понимаю.

Онъ. Видите ли. Все дѣло въ томъ, что, когда мы съ вами женились, мы были разные люди. Я былъ уже умудренный жизнью молодой человекъ, вы же наивная простенькая дѣвочка. И такъ это было занятно, интересно наблюдать за вашей эволюціей. Но за эти нѣсколько лѣтъ нашей совместной жизни, вы со мной сравнялись. Мы читали, хотя и

очень мало, но всегда одно и то же, мы смотрѣли однѣ и тѣ же пьесы, слушали одну и ту же музыку, а спортъ, которому мы посвящаемъ почти все наше время,— мы даже занимаемся однимъ и тѣмъ же спортомъ. И вотъ, благодаря всему этому мы стали совершенно одинаковые. У насъ одинакіе вкусы, мысли, мы дошли до того, что сошлись во вкусахъ даже при выборѣ автомобиля. Дальше идти некуда. И намъ должно было стать невыносимо скучно другъ съ другомъ, мы должны были дойти до мысли о разводѣ. Мы лично въ этомъ, конечно, невиноваты. Таковъ ужъ нашъ вѣкъ, люди точно машиной на фабрикѣ всѣ перерабатываются по извѣстному установленному образцу. Вотъ и вы переработались. Теперь, когда вы достигли установленного предѣла развитія, постигли всю премудрость великосвѣтской культуры, вы, конечно, выйдете замужъ за какого-нибудь юнца наивнаго, но и онъ переработается такъ же скоро, какъ переработались вы и вамъ съ нимъ будетъ такъ же скучно, какъ и со мной.

Она. Понимаю. Но вѣдь и васъ ожидаетъ та же печальная участь.

Онъ (*сухо*). Разумѣется.

Она (*печально обводитъ глазами комнату*). А вѣдь это будетъ очень тяжело... разорять все это... дѣлать обстановку.

Онъ. Да, мысль объ этомъ угнетаетъ меня съ того момента, какъ мы начали разводъ.

Она. Ахъ, меня тоже. Я почи не сплю. Я такъ ненавижу переѣзжать (*снова обводитъ глазами комнату любовнымъ взглядомъ*). И какъ на зло, намъ никогда не удавалось устроить квартиру такъ уютно, такъ красиво, какъ теперь (*послѣ короткой паузы*). Нѣтъ, право, здѣсь такъ хорошо, что я кажется готова ра-

ди вашего удовольствія перестать походить на самое себя, лишь бы все это осталось на мѣстѣ. Да, вы вѣдь знаете,— мое чудное зеркало въ будуарѣ, вѣдь, оно въ каминъ вдѣлано... когда его будутъ вынимать могутъ разбить, поцарапать... это ужасно!

Онъ. Когда я подумаю о томъ, что придутъ эти перевозчики и схватятъ мое бюро краснаго дерева... вѣдь, этому бюро цѣны нѣтъ, а пано на стѣнахъ, вѣдь-это придется тоже снимать, могутъ прорвать... нѣтъ я кажется, тоже готовъ, ради вашего удовольствія, перестать походить на самого себя, лишь бы все осталось, какъ есть.

Она. Собственно говоря, мы могли бы устроиться такъ, чтобы почти не видѣть другъ друга. Квартира достаточно велика... эти перевозчики, укладчики, это такіе варвары!

Онъ. А пріисканіе квартиръ. Вы забыли, что это за мука искать новую квартиру.

Она. Да, это ужасно. Нѣтъ, право, я ради этой обстановки на все готова.

Онъ. Знаете, я съ вашего согласія готовъ пачать хлопотать о томъ, чтобы нашъ разводъ признали недѣйствительнымъ?

Она (*съ безпокойствомъ*). А вы думаете это еще можно. Еще не поздно?

Онъ. Ну, что жъ, въ самомъ крайнемъ случаѣ, намъ придется повѣнчаться снова. Вы какъ думаете, а?

Она (*размышляетъ*). Вѣнчаться во второй разъ со своимъ собственнымъ мужемъ это будетъ большой скандалъ. Нѣтъ, лучше скандалъ, лишь бы мое зеркало оставалось на своемъ мѣстѣ. Я согласна, я на все согласна.

Онъ. Отлично. Въ такомъ случаѣ я сейчасъ же приму мѣры. Будь добра, передай мнѣ телефонную книгу.

Три чуда Магадевы.

Передъ грознымъ изваяньемъ
Магадевы въ Бейнаресѣ,
Распластавшись, недвижима,
Скорбно женщина лежить.
И текутъ потокомъ слезы
Изъ прекрасныхъ глазъ индуки,
Словно Гангъ перемѣстился
Цѣликомъ въ ея глаза.
— О, великій Магадева,
Ты внемли моимъ молитвамъ,—
Въ цѣломъ мірѣ, увѣряю,
Нѣтъ несчастіе меня!
И не смѣю показать я
Никому лица!..—Пойми же!
Прыщикъ красный и противный
На носу моемъ вскочилъ!
О, великій Магадева,
Ты, который создалъ небо,
Землю, звѣзды, ожерелья,
Поцѣлуй и меня,
Ты, который властнымъ словомъ—
Моженъ въ прахъ развѣять горы,
Убери ты этотъ прыщикъ,
Прикажи ему сойти!
Внялъ молитвѣ Магадева—
И немедленно исполнилъ.

Просьбу плачущей индуки
Золотой галантный богъ.
И воскликнула индука,
Посѣ потрогавши рукою,
— Магадева, ты, ей-Богу,
Самый лучший изъ боговъ!..
Но прошу тебя смиренно—
Соверши благодѣянье:
Сдѣлай такъ, чтобъ этотъ прыщикъ
Не вскочилъ на мнѣ и впредь!
Въ знакъ того, что прыщикъ больше
На носу моемъ не вскочитъ,—
Пусть немедленно же съ неба
Громъ три раза прогремитъ!
И опять, весьма любезно
Исполняя просьбу дамы,
Магадева троекратно
Потревожилъ даже громъ.
«Эхъ», подумала индука,
Ну, а, вдругъ, ошибка вышла?!»
И, застѣнчиво потупясь,
Такъ промолвила она:
— Я... ужасно... извиняюсь...
Но... нельзя ли, Магадева,
Чтобъ и—молнія блеснула?!
Этакъ будетъ повѣрнѣй!»

И тотчасъ же Магадева
Чиркнулъ спичкою по небу.
И, въ отвѣтъ, зигзаги молній
Освѣтили древній храмъ.
И воскликнула индука:
— Это вотъ я понимаю!..
Магадева, ты, ей-богу,
Самый лучший изъ боговъ!
И пожалуйста исполни
Заодно и эту просьбу,
Чу, а именно какую,—
Я тебѣ, сейчасъ, скажу:
— Понимаешь, Магадева,—
Мой возлюбленный сегодня
На сосѣдку заглядѣлся
И послалъ ей поцѣлуй.
Доверши благодѣянье:
Сдѣлай такъ, чтобъ этотъ прыщикъ
Впредь, отнынѣ и вовѣки,—
На носу ея сидѣлъ!..»

Магадева спрыгнула на полъ
И па цыпочкахъ, безшумно
Убѣжавъ черезъ окошко,
Вытеръ лобъ и молвилъ:—«Уфф!..»

Н. Агнивцевъ.

— Ты весь вечер на маскарадѣ будешь ходить съ этимъ мѣшкомъ?
— О, папа!.. Развѣ ты думаешь, что меня никто не пригласить ужинать?..

- Мое первое условие, чтобы у вас на кухне не было полицейского.
- О, не беспокойтесь, сударыня,— мой отец сидит в тюрьме за кражу.

Редактор-издатель М. А. Суворинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1916 ГОДЪ.

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО

ДВА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЕ иллюстрированные журналы для детей и юношества, основ. С. М. МАКАРОВОЙ и издаваемые Т-вомъ М. О. ВОЛЬФЪ.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-ГО НОЯБРЯ 1915Г. — ПЕРВЫЕ №№ ВЫСЛАЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

Гг. годов, подлщсж. журн. „З. Сл.“ для дѣтей СТАРШАГО ВОЗРАСТА (отъ 9 до 14 лѣтъ получаютъ)

52 №№ и 48 ПРЕМІЙ, 24 ЕП. „СОБР. СОЧИНЕНІЙ ВЛАДИМИРА ДАЛАЯ“. Писаніе для юношества, 12 №№ „ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ХРОНИКА ВОЙНЫ“ (забра, п. Чеснокова).

12 ТАБЛИЦЪ „ЖИВЫЕ ТѢНИ“ (забра, п. Чеснокова).

12 ТАБЛИЦЪ „МАЛЕНЬКІЙ ВСЕМИРНЫЙ ИСТОРИКЪ“ (забра, п. Чеснокова).

3 ВЫП. „АЛЬБОМЪ ДѢТСКИХЪ РАБОТЪ“ (забра, п. Чеснокова).

12 ТАБЛИЦЪ „ИГРЫ И РАБОТЫ“ (забра, п. Чеснокова).

16 ВЫП. „ИСТОРИЯ КУСОЧКА ХЛѢБА“ (забра, п. Чеснокова).

4 КНИЖКИ „БИБЛЮТЕКА СПОРТА“ (забра, п. Чеснокова).

6 ЛИСТОВЪ „ИГРЫ И РАБОТЫ“ (забра, п. Чеснокова).

12 ТАБЛИЦЪ „АЛЬБОМЪ АВТОГРАФОВЪ“ (забра, п. Чеснокова).

3 ВЫП. „МАЛЕНЬКІЙ АНГЛІЙСКИЙ САМОУЧИТЕЛЬ“ (забра, п. Чеснокова).

12 ВЫП. „БИБЛЮТЕКА ПОВѢСТЕЙ И СПУТНИКЪ ШКОЛЫ“ (забра, п. Чеснокова).

2 Р. „ДЕТСКАЯ МОДА“ и „ЗАДУШЕВНОЕ ВОСПИТАНИЕ“ (забра, п. Чеснокова).

2 Р. „ДЕТСКАЯ МОДА“ и „ЗАДУШЕВНОЕ ВОСПИТАНИЕ“ (забра, п. Чеснокова).

40-й ГОДЪ ИЗДАНИЯ

Открыта подписка на 1916 годъ на еженедельный иллюстрированный журналъ желѣзнодорожной жизни „НА РЕЛЬСАХЪ“.

Въ журналѣ печатаются правительственныя распоряженія, статьи по вопросамъ желѣзнодорожной техники и хозяйства, экономическаго и правового положенія желѣзнодорожныхъ службъ, хроника текущей желѣзнодорожной жизни какъ русской, такъ и заграничной, корреспонденція съ мѣста, сообщенія о ходѣ работъ на строящихся дорогахъ, портреты и биографіи желѣзнодорожныхъ служащихъ, карикатуры и т. д. Кромѣ разработки ближайшихъ для желѣзнодорожника вопросовъ, журналъ уделяетъ много мѣста и общимъ вопросамъ; въ немъ печатаются обзоры русской и иностранной текущей жизни, повѣсти, рассказы, стихотворенія, фельетоны, иллюстраціи и т. д. Подписная цѣна съ доставкой и перес. на годъ—4 р., на 1/2 г. 2 р., на 1/4 г. 1 р. Адресъ конторы: Москва, Берниковъ пер., д. 4, кв. 2.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ МУЗЫКАЛЬНАГО ИСКУССТВА

МУЗЫКАЛЬНЫЙ СОВРЕМЕНИКЪ

Издающийся въ Петроградѣ подъ редакціей А. Н. Римскаго-Корсакова, при ближайшемъ участіи Ю. Вейберга, В. Г. Каратыгина, проф. И. И. Лаппина, А. В. Оссовскаго, П. П. Сувичнскаго и Ю. Д. Энгеля и при слѣдующемъ составѣ сотрудниковъ:

Арне, Аврамъ, И. О. Айбертъ, З. Г. Ашкинази, М. А. Вихтеръ, С. Богатыревъ, Е. В. Богословскій, Е. М. Браудо, С. Бугославскій, проф. С. К. Вуличъ, В. Бляевъ, В. И. Бьялостій, Ю. Л. Вейбертъ, Г. И. Витоль, Я. Я. Гандшинъ, Р. Гибертъ, М. Ф. Гибсентъ, М. Гольдштейнъ, А. Гречаниновъ, В. Гуторъ, А. Дродловъ, Г. Эвансъ, (Лондонъ), Н. С. Жилъевъ, Н. Л. Зильберштейнъ, А. П. Ивановъ, М. Кальвокоресен, (Шарикъ), С. П. Каблучковъ, В. Г. Каратыгинъ, А. Д. Кастальскій, Н. Д. Каминъ, М. С. Керанинъ, П. И. Ковалевъ, И. И. Крыжановскій, проф. И. И. Лаппинъ, А. Я. Ленинсонъ, М. С. Лунцъ, проф. С. М. Ляпуновъ, С. Майкапаръ, Н. А. Малеко, Я. С. Медлинъ, Н. Металлонъ, Ф. В.

Миграновичъ, проф. Л. В. Николаевъ, Роза Ньюмарчъ (Лондонъ), А. В. Оссовскій, А. В. Преображенскій, Г. Я. Рабиновичъ, (О. Ларинъ), Н. Н. Римскій-Корсаковъ, А. Н. Римскій-Корсаковъ, Н. И. Рихтеръ, С. Б. Розовскій, прив.-доц. А. Рудневъ, Л. Л. Сабанъевъ, проф. Л. А. Сакетти, Л. О. Саминскій, проф. Н. А. Соколовъ, Н. Г. Струве, П. П. Сувичнскій, В. С. Сырова, А. Лобъ Тибо, Р. Н. Тимофеевъ, В. Шленеръ, А. Шмуцеръ (Амстердамъ), М. О. Штейнбертъ, Лео Фунтъкъ (Гельсингфорсъ), М. И. Чайковскій, В. Яновскій, В. В. Ястрембевъ, Ю. Д. Энгель, проф. А. А. Эйнвальдъ и др.

„Музыкальный Современникъ“ не органъ партійный въ какомъ бы то ни было смыслѣ этого слова, а органъ музыкальной культуры въ Россіи.

„МУЗЫКАЛЬНЫЙ СОВРЕМЕНИКЪ“ выходитъ въ видѣ: а) книжечки „МУЗЫКАЛЬНАГО СОВРЕМЕНИКА“ (размѣромъ отъ 5 до 6 листовъ), выпускаемыхъ 8 разъ въ году (съ сентября по апрѣль) и иллюстрируемыхъ поэтическими и художественными репродуцированными рисунками (эскизы декоративн., костюмовъ, портреты музыкальных дѣятелей, художественныя карикатуры и т. д.), и б) Хроники „Музыкальнаго Современника“ (отъ 2-хъ до 4-хъ разъ въ мѣсяцъ), состоящей изъ 1) рецензій, 2) корреспонденцій; 3) обзора печати, 4) обзора дѣятельности муз. общ-въ, 5) хроникъ, 6) полемикъ, 7) библиографическихъ и фотографическихъ перечней, 8) писемъ въ редакцію, 9) почтоваго шрифта.

Журналъ будетъ печататься на бумагѣ перже.

ИЗЪ СОДЕРЖАНИЯ БЛИЖАЙШИХЪ КНИЖЕКЪ: Е. М. Браудо.—В. Ф. Бахъ, его жизнь и творчество; проф. С. К. Вуличъ.—Исторія фолклорной литературы въ Россіи; проф. И. И. Витоль.—„ученіе о гармоніи“ Шенбергъ; Я. Я. Гандшинъ.—Что такое органъ; М. Ф. Гибсентъ.—О природѣ музыкальнаго искусства; А. Т. Гречаниновъ.—О моихъ духовно-музыкальныхъ сочиненіяхъ; В. Г. Каратыгинъ.—Задачи музыкальной критики О „Сорочинкѣ ярмаркѣ“ Мусоргскаго. Къ 25-лѣтню оп. „Кн. Игорь“ Бородина; А. Кастальскій.—О моей музыкальной карьерѣ; проф. И. И. Лаппинъ.—О музыкальномъ творчествѣ; А. В. Оссовскій.—Эволюція звукозаписи, забытыя гени (К. Монтеверди, Английскіе Виргинисты); А. В. Преображенскій.—Изъ первыхъ лѣтъ парижскаго плѣна; А. М. Римскій-Корсаковъ.—Очерки по исторіи музыкально-критической мысли въ Россіи: 1) А. Н. Сыровъ, 2) В. В. Стасовъ, 3) Г. Ларинъ, 4) „Соловьи“ Игоря Стравинскаго; Л. Л. Сабанъевъ.—А. Н. Скрябинъ, принципы и формы его творчества; Л. О. Саминскій.—Метаформозъ Вагнерскаго оркестра въ новой европейской музыкѣ; П. Столянкій.—О музандированіи въ старомъ Петербургѣ; В. С. Сырова.—Чета Вларамберговъ; Тибо.—Введеніе музыкальной нотации у славянъ; М. И. Чайковскій.—Переноска Чайковскаго и Римскаго-Корсакова; Ю. Д. Энгель.—Р. мекіи-Корсаковъ и Рагнеръ. О музыкальномъ проевеніи въ Россіи; В. В. Ястрембевъ.—Анализъ музыкальной карты „Садко“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ 8 РУБЛЕЙ.

Съ первой книжки журнала начнется печатаніемъ, издаваемая еще, обширная, обнимающая нѣсколько десятилѣтій, реценска М. А. Балакирева и Н. А. Римскаго-Корсакова, съ предисловіемъ и примѣчаніями проф. С. М. Ляпунова.

Подписной годъ считается съ сентября. Подписка принимается въ отдѣленіи конторы журнала—Петроградъ: Рыбачья, 10, кпт. „Сиріусъ“, тел. 588-67. При подпискѣ въ конторѣ журнала допускается разсрочка, при подпискѣ—4 руб., 1 декабря—2 руб., и 1 февраля—2 руб. Подробный проспектъ съ программой журнала, спискомъ сотрудниковъ и памфлетныхъ статей высылается по первому требованію бесплатно.

Адресъ Редакціи и Главной Конторы: Петроградъ Свѣчной пер., 2, кв. 12. Тел. 643-67.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1916 г. (2-й годъ изд.) на ежемѣсячный, иллюстрированный журналъ

50.00

РУССКАЯ РИВЬЕРА

Вѣстникъ Ченоморскаго Побережья, Кавказа и Крыма,

посвященный курортнымъ вопросамъ, туризму, культурно-промышленной и общественно-экономической жизни Ченоморскаго побережья, Кавказа и Крыма. Въ программу журнала входятъ слѣдующіе отдѣлы и темы для статей, замѣтокъ, хроникъ и корреспонденцій:

- 1) Жизнь и благоустройство Ченоморскаго Побережья.
- 2) Законодательство и распоряженія Правительства о лечебныхъ мѣстахъ Россіи.
- 3) Медико-санитарные курортные вопросы.
- 4) Курорты, лечебная и купальная мѣста Юга Россіи.
- 5) Дѣятельность правительственныхъ, общественныхъ, ученыхъ и специальныхъ учреждений Ченоморскаго Побережья, Кавказа и Крыма.
- 6) Курортное устройство и строительство.
- 7) Планировка курортныхъ и дачныхъ поселковъ и городовъ-садовъ.
- 8) Культурные участки, поселки дѣтскія; земельно-меліоративное дѣло.
- 9) Очерки курортной жизни Юга Россіи.
- 10) Литературныя описанія Ченоморскаго Края.
- 11) Ченоморскій Край въ художественныхъ произведеніяхъ.
- 12) Дѣятель Ченоморскаго Побережья.
- 13) Пути сообщенія Юга Россіи и побережья.
- 14) Туризмъ, экскурсіонное дѣло, спортъ.
- 15) Земельный кредитъ и земельные банки.
- 16) Курортныя акціонерныя общества.
- 17) Географическія изслѣдованія и картографія Побережья.
- 18) Культурно-промышленное вопросы Ченоморскаго Края.
- 19) Литература Ченоморск. Края и библиографія.
- 20) Историко-археологическія изслѣдованія Побережья.
- 21) Обзоръ газетъ и журналовъ.
- 22) Фельетоны.
- 23) Библиографія.
- 24) Почтовый ящикъ.
- 25) Справочный отдѣлъ.
- 26) Иллюстраціи.

Журналъ издается при участіи дѣятелей Побережья Кавказа и Крыма, специалитетъ курортнаго дѣла, журналистскія мѣстныхъ и столичныхъ, специалитетъ по разнымъ отраслямъ культуры и промышленности Побережья, техники и др. лицъ.

Всѣ подписчики получаютъ бесплатно приложенія:

- 1) Курортный Указатель Юга Россіи.
- 2) Земельно-Справочный Листокъ.

Для удобности редакціи и подписчиковъ Контора журнала организуетъ отдѣлы:

- 1) Издательскій и библиотечный.
- 2) Фото-иллюстраціонный. (Фото-бюро).
- 3) Курортно-справочный.
- 4) Земельно-справочный.
- 5) Техническій.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой въ Россію: на годъ (12 №№)—6 руб., на 1/2 года (6 №№)—4 руб. Также объявленій на 1 разъ позаді текста: 1/4 стр. 45 р., 1/2 стр. 80 р., 1 стр. 150 руб. Подписка принимается и продается отд. №№ въ конторѣ журнала и въ большихъ книжныхъ магазинахъ: „Нов. Вр.“, Вольфа, Карбасникова, Попова Сатина и друг. Отдѣлы №№ продаются на всѣхъ большихъ станціяхъ ж. д. въ Моск. А. С. Суворина.

Адресъ Конторы и Редакціи „Русская Ривьера“: Петроградъ, Невскій пр., кв. 27. Телеф. 215-50 и 461-82.

Редакторъ-Издатель

В. П. Вишневицкій.

Составляются и готовятся къ печатанію выданія конторы журн. „Русская Ривьера“:

Адресо-Справочн.: книга Ченоморск. Побережья Кавказа и Крыма „Русская Ривьера“.

Пут. Р. Подч. (по П. и П. изд.)

ЦУНЪ им. Н. А. Некрасова

2 000001 341339

Цѣна номера 30 коп.

Невскій, 83.
Петроградъ.

„НИКОЛАЙ ЛИНДЕНЪ“

По крайне удешевленнымъ цѣнамъ.

